

УДК 008:81'23/81'25(Цивилизация. Культура. Прогресс. Психолингвистика. Психология языка. Практическое владение языком. Теория перевода)

**ОБРАЗЫ «ЧУВСТВЕННОГО МИРА» Н.А. ЗАБОЛОЦКОГО В ПЕРЕВОДАХ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

© 2017 А.В. Бутова, А.В. Петров

Бутова Анна Владимировна, ст. преподаватель кафедры языкознания и литературоведения.

E-mail: annb.79@mail.ru

Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
Магнитогорск, Россия

Статья поступила в редакцию 22.12.2017

В статье на примере стихотворений «Белая ночь» и «Футбол» рассматривается один из важнейших компонентов «художественной вселенной» Н.А. Заболоцкого – «чувственный мир» и его своеобразие в переводе на английский язык (переводчик К. Фочен). По Заболоцкому, разумный порядок бытия возможен только в соединении чувственного созерцания с рассудком, мир же, воспринимаемый лишь органами чувств, безумен и абсурден. Для переводчиков именно «чувственный мир» русского поэта и его образные репрезентации оказываются наиболее сложны для понимания, что во многом объясняется философской насыщенностью поэзии Заболоцкого, а следовательно, трудностью понимания ее онтологических и гносеологических основ даже для носителей языка. Поэтому К. Фочен нередко пытается рационально разъяснить для англоговорящего читателя алогизмы и абсурдизмы Заболоцкого, адаптируя и упрощая в этих целях образность и средства выразительности, используемые русским поэтом. Иногда переводчик неправильно понимает значения отдельных образов Заболоцкого, как, например, в случае с «Елагиным» (островом) (*Yelagin Island*), принятым К. Фоченом за фамилию (*Elagin*). *Вывод:* Отсутствие в современной филологии научной рефлексии над переводами текстов Заболоцкого позволяет говорить о немалых перспективах в этой сфере заболоцковедения. Многогранность поэта, сложность его художественного мира и, соответственно, неоднозначность восприятия его иноязычными читателями дают интересный материал для дальнейшего исследования темы. *Ключевые слова:* Н.А. Заболоцкий, «чувственный мир», безумие, «Белая ночь», «Футбол», «слепое созерцание», интерпретация, переводоведение.

«Художественная вселенная» Н.А. Заболоцкого в немалой степени зиждется на восходящей к И. Канту гносеологии [1]. «Соединив безумие с умом, / Среди пустынных смыслов мы построим дом» [2, с.107], – провозглашает Заболоцкий, подчеркивая, что только в соединении чувственного созерцания с рассудком возможен разумный порядок бытия. Что же представляет собой «чувственный мир» Заболоцкого? Мир, воспринимаемый лишь органами чувств (зрением, слухом), безумен, беспорядочен, дик, считает поэт, и именно таким он входит в конструируемое им художественное бытие [3]. Актуальным, в связи с этим, представляется рассмотреть вопрос, как этот хаотичный и «бессмысленный / безмысленный» мир, его образные репрезентации были переданы в переводах.

Произведения Заболоцкого неоднократно переводились на многие языки мира, в частности,

на немецкий, итальянский, чешский, болгарский, польский, словенский. Наиболее полно «детали» поэтической вселенной Заболоцкого были отражены в переводах его стихотворений на английский язык. Полное собрание сочинений Заболоцкого переводилось на английский дважды – в 1970 и в 1999 г. Автором переводов был английский филолог и поэт Дэниел Вайсборт. Кроме того, известны переводы Кристофера Фочена (к которым мы и обратимся), Бориса Дралюка, Дмитрия Ямпольского и Евгения Осташевского. Однако, несмотря на немалый интерес к творчеству Заболоцкого среди переводчиков, в современной науке отсутствуют исследования, посвященные анализу иноязычных интерпретаций его стихотворений, что обедняет представления о роли этого писателя в мировой литературе.

Мотив безумия появляется во многих произведениях Заболоцкого, но, пожалуй, в особенности фантазмагоричны «Городские столбцы». «Бе-

1) Гляди: не бал, не маскарад,
Здесь ночи ходят невпопад,
Здесь от вина неузнаваем,
Летает хохот попугаем.
Здесь возле каменных излучин
Бегут любовники толпой,
Один горяч, другой измучен,
А третий книзу головой.
Любовь стенает под листьями,
Она меняется местами,
То подойдет, то отойдет...
А музы любят круглый год. [2, с. 30]

Второй стих оригинала был переведен на английский язык не совсем корректно, что отчасти исказило смысл, заложенный в него поэтом, – показать сумбур и хаотичность петербургской «ночной» жизни. Стих «ночи ходят невпопад» превратился в одну ночь, которая приходит не вовремя: «here night's passing is mistimed». В третьем и четвертом стихах также есть неточности, изменяющие авторский замысел. Слово «хохот» (laughter) в английском варианте приобретает определение «дикий», а его характеристика «от вина неузнаваем» в переводе превращается в «wine-besotted» – «одурманенный вином». Пятый стих переведен неверно: русские «каменные

2) Качалась Невка у перил,
Вдруг барабан заговорил –
Ракеты, выстроившись кругом,
Вставали в очередь. Потом
Они летели друг за другом,
Вертя бенгальским животом.
3) Качали кольцами деревья,
Спадали с факелов отресья
Густого дыма. А на Невке
Не то сирены, не то девки,
Но нет, сирены, – на заре,
Все в синеватом серебре,
Холодноватые, но звали
Прижаться к палевым губам
И неподвижным, как медали,
Обман с мечтами пополам! [2, с.30–31]

Во втором и третьем «столбцах» наблюдаются грамматические «потери», ведущие к потерям смысловым. Если сказуемые первой и последней строф поставлены Заболоцким в настоящем времени, а центральных строф – в прошедшем, то переводчик везде оставляет настоящее время,

лая ночь», написанная поэтом в 1926 г., открывает не только дебютный сборник Заболоцкого, но и дверь в мир безумия:

1) Look: it's not a ball, nor masquerade,
here night's passing is mistimed,
here wild laughter, wine-besotted,
flies about like a parrot, blind;
hills and bridges come apart,
lovers gather in a crowd,
one is ardent, another jaded,
a third one's head is bowed...
Love groans beneath the leaves
and changes places on the ground,
now it approaches, then recedes...
But the muses love year round. [4]

излучины» превратились в разваливающиеся на части холмы и мосты: «hills and bridges come apart». В шестом стихе оригинала передается процесс («бегут любовники толпой»), в переводе констатируется факт – любовники собираются в толпу («lovers gather in a crowd»). В описании первых двух «любовников» переводчик точен, а третий «любовник», описанный в странной позе «книзу головой», в английском варианте оказывается со склоненной головой – «a third one's head is bowed».

Неточности в переводе «Белой ночи» находим и в последующих строфах:

2) By a railing the Nevka surges,
suddenly a drum beat rolls:
a rocket in an arc converges,
spiraling upwards as it coils.
Then blazing pears, soaring high,
spin – a Bengal belly in the sky.
3) Rings swing to and fro on trees,
thick smoke from a torch drops
in the breeze. But on the Nevka –
sirens, or harlots
no, they're sirens – rise up,
clothed in a silvery blue,
slightly chilly – yet they proffer
their lips, a pallid hue
and immobile as a medallion.
But this was merely an illusion. [4]

что противоречит замыслу поэта – показать безумие «белой ночи», которое происходит всегда.

Третья строфа русского текста начинается со строчки «качали кольцами деревья», в переводе же на английский язык акцент перенесен с деревьев на кольца: «rings swing to and fro on trees»,

которым переводчик даже задал «направление» – взад и вперед («to and fro»). Далее в английском варианте появляются сирены, но не с «палевыми губами», как у Заболоцкого, а с мертвенно-бледными («a pallid hue»). Сирены теперь уже не «зовут прижаться к губам», а предлагают губы – «proffer their lips».

4) Я шел сквозь рошу. Ночь легла
Вдоль по траве, как мел бела.
Торчком кусты над нею встали
В ножнах из разноцветной стали,
И тосковали соловьи
Верхом на веточке. Казалось,
Они испытывали жалость,
Как неспособные к любви.
5) А там вдали, где желтый бакен
Подкарауливал шутих,
На корточках привстал Елагин,
Ополоснулся и затих:
Он в этот раз накрыл двоих. [2, с.31]

В пятом «столбце» видим более серьезный промах переводчика: К. Фочен принял Елагин остров, расположенный в дельте реки Невы, за имя человека. Об этом свидетельствуют два момента: 1) в английском языке название острова пишется как *Yelagin Island*, тогда как в переводе –

7) И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет к крышам,
Вздывает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса. [2, с.31]

В заключительном «столбце» «Белой ночи» «сумасшедший бред» превращается в «крошечный ад/столпотворение» – «pandemonium», что в корне меняет замысел поэта – показать бессмысленность всего происходящего. Кроме того, из английского текста исчезает целый стих – «листами сонными колышим». Тем самым упущен важный для Заболоцкого мотив сна. Уходит в переводе и лаконичное перечисление всего того, что составляет безумие «белой ночи». Английский вариант текста громоздкий и не вполне точно передает идею поэта, хотя в целом смысл стихотворения сохранен.

В стихотворении «Футбол» Заболоцкий на примере обычного, повседневного занятия рисует визуально созерцаемый мир, лишенный разумности. В переводе К. Фочена имеется ряд отступлений от оригинала, искажающих эмоциональный и в некоторых случаях смысловой по-

В четвертом «столбце» в переводе потерялся довольно яркий эпитет – «торчком»; К. Фочен заменил его на нейтральное описательное выражение: кусты росли вертикально («rose up vertically»). Кроме того, соловьи у Заболоцкого «тосковали», тогда как в английском тексте они «куковали» («nightingales cuckooed»).

4) I resumed my walk. Night lay
lengthwise in the grass, white as chalk:
bushes rose up vertically
in sheathes of multi-colored steel,
and on a branch somewhere above
nightingales cuckooed. And pity
was all they could feel,
as though incapable of love.
5) And there, swelling like an angel
and lying in wait for any saint,
Elagin got up in a crouch
and swilled, then he fell silent:
this time two more'd been flushed out. [4]

Elagin; 2) по правилам английского языка все неодушевленные предметы заменяются местоимением *it*, переводчик же использовал личное местоимение *he*.

Отметим еще ряд некорректных замен в английском варианте «Белой ночи»:

7) And all around there's pandemonium,
and white air clinging to the eaves,
but night's last gasp already breathes
and sways as on a set of scales.
Thus an aborted foetus – an angel,
having opened wide its milky eyes,
sways in a jar of alcohol
and cries out to the skies. [4]

сылы произведения. Русский текст очень динамичен: картинки-эпизоды меняются одна за другой, возникает образ беспорядочного движения, в результате создается впечатление хаотичности и бессмысленности происходящего. Английский текст статичен; К. Фочен добросовестно перечисляет все то, что происходит на игровом поле, но это перечисление не передает движения, беспорядка, безумия – ключевых мотивов русского стихотворения:

1) Ликует форвард на бегу.
Теперь ему какое дело!
Недаром согнуто в дугу
Его стремительное тело.
Как плащ, летит его душа,
Ключица стучается звонко
О перехват его плаща.
Танцует в ухе перепонка,
Танцует в горле виноград,
И шар перелетает ряд. [2, с.34]

1) A forward rejoices on the run,
where's there now for him to hide?
since his bones give no protection
to his body opened wide.
His soul flies like a cape,
his collar bone loudly clangs
against the clasp fixed on his cape,
the membrane in his ear bangs,
the grape dances in his throat,
and the sphere flies over a tier. [5]

Третья и четвертая строки переведены неточно. У Заболоцкого – «стремительное тело», согнутое «в дугу», тогда как в английском варианте – «his bones give no protection to his body opened wide» («его кости не защищают открытое тело»). Исчезают все «странные/остраняющие» эпитеты, данные поэтом «телу» форварда. Переводчик пытается «разумно» объяснить своему англоговорящему читателю, что же происходит с этим

«телом», а это противоречит идее стихотворения – заставить читателя взглянуть на привычную вещь (занятие, действие) «голыми» глазами. В английском тексте перепонка в ухе у форварда не «танцует», а стучит («bangs»). В образе «танцующей перепонки» точнее передана бессмысленность движения, нежели в «стучащей перепонке» перевода.

2) Его хватают наугад,
Его отравую поят,
Но башмаков железный яд
Ему страшнее во сто крат.
Назад!
3) Свалились в кучу беки,
Опухшие от сквозняка,
Но к ним через моря и реки,
Просторы, площади, снега,
Расправив пышные доспехи
И накрываясь в меридиан,
Несется шар. [2, с.34]

2) They seize him now at random,
and offer him a poisoned potion,
but their heels contain an iron venom
that's a hundred times more potent.
Retreat!
3) They fall down in a heap,
swollen from the wind and heat;
then across squares and open spaces,
the snow, the rivers, and the sea,
its splendid armor-plating straightens
and arcs towards infinity –
the sphere descends. [5]

Во второй и третьей строках К. Фочен меняет русское «страшнее во сто крат» на английское «a hundred times more potent» («важнее во сто крат»), а «несущийся шар» Заболоцкого превращается в «спокойно спускающийся» («the sphere descends»). При этом в обоих случаях замена довольно чувствительна, поскольку задает иной, нежели в оригинале, вектор читательского восприятия происходящего. В самом понятии «страшнее во сто крат» заложено нечто не поддающееся разумному объяснению, тогда как

«важнее во сто крат» – это понятие, основанное на доводах рассудка. «Шар» в русском тексте «несется», т.е. движется на большой скорости в неопределенном направлении; английский «шар» лишен не только движения, но и его бессмысленности, поскольку переводчик указал лишь направление движения – вниз, лишив его безумной скорости.

Четвертый, пятый и шестой «столбцы» «Футбола» также содержат неоднозначные переводческие решения:

4) В душе у форварда пожар,
Гремят, как сталь, его колена,
Но уж из горла бьет фонтан,
Он падает, кричит: "Измена!"
А шар вертится между стен,
Дымится, пучится, хохочет,
Глазок сожмет: "Спокойной ночи!"
Глазок откроет: "Добрый день!"
И форварда замучить хочет.

4) A forward, his joy is all ablaze,
his iron knees are screwed on,
but from his throat a fountain plays,
he falls down crying: Treason!
The sphere spins between the walls,
laughing, smoldering, it swells,
one eye winks – good night!
one eye blinks – good day!
the forward's torment is in sight.

5) Четыре гола пали в ряд,
Над ними трубы не гремят,
Их сосчитал и тряпкой вытер
Меланхолический голкипер
И крикнул ночь. Приходит ночь.
Бренча алмазною заслонкой,
Она вставляет черный ключ
В атмосферическую лунку.
Открылся госпиталь. Увы,
Здесь форвард спит без головы.
6) Над ним два медные копыа
Упрямый шар веревкой вяжут,
С плиты загробная вода
Стекает в ямки вырезные,
И сохнет в горле виноград.
Спи, форвард, задом наперед! [2, с.34-35]

5) Four goals fall in a row,
trumpets don't blare any more,
a melancholy goalie keeps the score,
his rag erases as they go,
and he cries the night. Night comes soon.
Jingling like a diamond-studded screen,
a black key is inserted
into the atmospheric moon –
a hospital is seen. Alas!
The forward sleeps here without his head.
6) Over him two copper lances
bind the stubborn sphere with string,
water off the gravestone glances,
falling on the chiselled ring,
and in his throat the grape dries up.
Sleep, O forward, in reverse! [5]

«В душе у форварда пожар, / Гремят, как сталь, его колена», – пишет Заболоцкий, а вот как переводит К. Фочен: «*A forward, his joy is all ablaze, / his iron knees are screwed on*». Русский поэт сравнивает звук от стука колен со сталью, тогда как переводчик сами колени форварда делает стальными. Кроме того, строка «и форварда замучить хочет» в английском варианте превращается в «мучения форварда на виду (в поле зрения)», а «атмосферическая лунка» – в «атмосферическую луну». В шестой строфе находится одно из «фирменных» выражений Заболоцкого-поэта – «задом наперед», посредством которого он изображает бессмысленность мира.

Как видим, «чувственный мир» Заболоцкого и его образные репрезентации в переводе получились иными: английский текст воспринимается почти как адаптация для англоговорящего читателя. Переводчику К. Фочену не удалось в полной мере соединить замысел Заболоцкого с соб-

ственным пониманием его произведений. Причина этого кроется, вероятнее всего, в одностороннем восприятии многими зарубежными филологами и переводчиками «Городских столбцов» Заболоцкого. Дебютный сборник поэта рассматривается исключительно как сатирическое изображение русской жизни в период Новой экономической политики (НЭП), тогда как «городские» зарисовки Заболоцкого представляют собой продукт «слепого созерцания» – созерцания, не наполненного разумом.

Отсутствие научной рефлексии над переводами текстов поэта позволяет говорить о немалых перспективах в этой сфере заболоцковедения. Многогранность поэта, сложность его художественного мира и, соответственно, неоднозначность восприятия его иноязычными читателями дают интересный материал для дальнейшего исследования.

1. Бутова, А.В. Литературоведческий дискурс русского поэтического модернизма 1900–1920-х гг. // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2015. Т.3. № 1. С.12–14.
2. Заболоцкий, Н.А. Собрание сочинений: в 3 т. М., Художественная литература, 1983. 655 с.
3. Бутова, А.В., Дубских, А.И. «Соединив безумие с умом...»: разумная бессмысленность мира в поэзии Н.А.Заболоцкого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота. 2016. № 11-3 (65). С.16–19.
4. Zabolotsky Nikolai. The White Night: Copyright English translation by Christopher Fortune: <http://zabolotsky-translations.blogspot.ru> [Заболоцкий Н. Белая ночь: перевод на англ.яз. К. Фочена].
5. Zabolotsky Nikolai. Football: Copyright English translation by Christopher Fortune: <http://zabolotsky-translations.blogspot.ru> [Заболоцкий Н. Футбол: перевод на англ.яз. К. Фочена].

THE “SENSIBLE WORLD” IMAGES OF N.A. ZABOLOTSKY IN ENGLISH TRANSLATION

© 2017 A.V. Butova, A.V. Petrov

Anna V. Butova, senior lecturer of the Chair of Language and Literature Study. E-mail: annb.79@mail.ru
Aleksy V. Petrov, doctor of philological sciences, professor of the Chair of Language and Literature Study.
E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov. Magnitogorsk, Russia

Using the poems “The White Night” and “Football” one of the most important components of Zabolotsky poetry – the “sensible world” and its peculiarity in English translation (translator C.Fortune) is considered. According to Zabolotsky, a rational order of being is possible only in the combination of sensual contemplation with the intellect. The world sensed is irrational and absurd. It is the “sensible world” of the Russian poet and its image representations that are the most difficult to understand for translators, that is explained by the philosophical saturation of Zabolotsky’s poetry, and the difficulty of understanding its ontological and epistemological foundations even for native speakers. Therefore, C.Fortune often tries to explain rationally to the English-speaking reader Zabolotsky’s alogisms and absurdities, adapting and simplifying for these purposes the imagery and means of expressiveness used by the Russian poet. Sometimes the translator misunderstands the meanings of Zabolotsky’s images, as, for example, in the case of “Elagin” (Yelagin Island), interpreted by C. Fortune as the surname (Elagin).

Conclusion: The absence of scientific reflection on the translations of Zabolotsky’s texts in modern Philology allows us to talk about considerable perspective in this field of studies. The versatility of the poet, the complexity of his artistic world and his ambiguous perception by foreign readers give an interesting material for further study of the topic.

Keywords: Zabolotsky, poetry, the “sensible world”, irrationality, “The White Night”, “Football”, “blind contemplation”, interpretation, translation and interpretation studies.

1. Butova, A.V. Literaturovedcheskii diskurs russkogo poeticheskogo modernizma 1900–1920-kh gg. (Literary Discourse of Russian Poetry Modernism 1900–1920-ies). *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniia*. 2015. T.3, № 1. S. 12–14.
2. Zabolotskii, N.A. *Sobranie sochinenii* (Collected edition): v 3 t. M., Khudozhestvennaia literatura, 1983. 655 s.
3. Butova, A.V., Dubsikh, A.I. «Soediniv bezumie s umom...»: razumnaia bessmyslennost' mira v poezii N.A.Zabolotskogo (“Combining Madness and Mind”: The World’s Rational Senselessness in N.A.Zabolotsky’s Poetry). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 11-3 (65). S. 16–19.
4. Zabolotskii, N. Belaia noch': perevod na angl.iaz. K.Fochena (The White Night: Copyright English translation by Christopher Fortune): <http://zabolotsky-translations.blogspot.ru>.
5. Zabolotskii, N. Futbol: perevod na angl.iaz. K.Fochena (Football: Copyright English translation by Christopher Fortune): <http://zabolotsky-translations.blogspot.ru>